библиотека Коммерсантъ
Владислав Дорофеев
Татьяна Костылева
принцип
КАСПЕРСКОГО
телохранитель ИНТЕРНЕТА

Владислав Дорофеев

Принцип Касперского: телохранитель Интернета

«Коммерсантъ»

2011

Дорофеев В. Ю.

Принцип Касперского: телохранитель Интернета /
В. Ю. Дорофеев — «Коммерсантъ», 2011

ISBN 978-5-699-49120-9

Почти 300 миллионов пользователей Интернета сегодня защищают свои компьютеры с помощью антивирусных продуктов и технологий «Лаборатории Касперского». 80 крупнейших мировых IT-корпораций находятся под защитой бренда Kaspersky. Среди них – Microsoft, Intel, Safenet, Check Point, IBM/Lotus, Clearswift, D-Link, Juniper, LANDesk, Netasq, ZyXEL, Cisco, Aladdin, Novell, Linux и др. Таков итог более чем двадцатилетних усилий и целеустремленного труда команды единомышленников во главе с Евгением Касперским. В офисах его транснациональной корпорации со штаб-квартирой в Москве говорят на 18 языках мира. Представительства компании расположены в 29 странах.Самый известный в мире гражданин IT-России, профессиональный криптограф и шифровальщик, выпускник элитной разведшколы, путешественник, либерал, умелый лидер, ведущий мировой эксперт в области информационной безопасности и просто удачливый человек, Евгений Касперский всегда хотел быть лучшим в своем деле. Ему, команде и компании, носящей его имя, это удалось. Как? Об этом наша книга.Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-699-49120-9

© Дорофеев В. Ю., 2011
© Коммерсантъ, 2011

Содержание

Предисловие 5
Пролог 7
Глава 1 8
Глава 2 14
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Владислав Юрьевич Дорофеев
Татьяна Петровна Костылева
Принцип Касперского.
Телохранитель Интернета

Первые компьютерные вирусы появились от любопытства: интересно было реализовать идею простейшей модели размножения. Соответственно, занимались этим довольно грамотные программисты. Хотя и не самые грамотные – у тех просто не было времени на подобные развлечения.
Дмитрий Лозинский, автор знаменитого антивируса Aidstest

Мы живем в новом мире. Девяностые были десятилетием киберхулиганов, двухтысячные были десятилетием киберпреступников, сейчас наступила эра кибервойн и кибертеррора. И мне страшно.
Евгений Касперский

Три правила компьютерной гигиены: обязательно защищаться, никому не верить, но антивирусным компаниям – можно (с оговорками).
Народная IT-мудрость

Предисловие

Сейчас в Интернете работают и практически живут, по разным данным, от 1 млрд 250 млн до 1,5 млрд пользователей. Из них 300 млн защищаются от несанкционированного проникновения и вирусных атак с помощью антивирусных технологий и продуктов, созданных русской компанией «Лаборатория Касперского».

Практически четверть населения мировой Сети находится под защитой «Лаборатории Касперского». Более восьмидесяти крупнейших мировых IT-корпораций используют технологии безопасности под брендом Kaspersky. Среди них – Microsoft, Intel, IBM/Lotus, ZyXEL, Cisco, Safenet, Check Point, D-Link, Netasq, Aladdin, Novell, Linux и др. Эти факты позволяют назвать системообразующим предприятием Интернета русскую компанию «Лаборатория Касперского». Существование мировой Сети сегодня сложно представить без ее усилий.

Таков итог более чем двадцатилетних усилий и целеустремленного труда команды единомышленников во главе с Евгением Касперским. Он создал транснациональную корпорацию со штаб-квартирой в Москве, с представительствами в двадцати девяти странах, с восемнадцатью рабочими языками, с многочисленными партнерами по всему миру, со 100%-ным покрытием планеты системой маркетинга и продаж.

В последние два года нам с Татьяной Костылевой довелось проанализировать и описать в книгах профессиональную жизнедеятельность Романа Абрамовича, Олега Дерипаски и Михаила Прохорова. И вот новая книга о российском предпринимателе. Герой – Евгений Касперский. Все четверо родились в России в середине шестидесятых, то есть это люди одного поколения. Все – сверхобеспеченные люди. Дальше начинаются различия.

Абрамович, Дерипаска и Прохоров входили в бизнес и в мир больших денег примерно похожими способами. Кооператив, торговля, сырье, перекупка акций, кредиты, политическая «крыша», госбюджет, слияния, поглощения, чековые и залоговые аукционы и т. п. Впрочем,

разбогатев, они прочувствовали, что не в деньгах счастье. А свои основные состояния они сделали за счет того, что умно и эффективно распорядились материальными активами, в результате чего приобрели деньги, известность, влияние. Это норма нынешнего российского капитализма, которую принято называть госкапитализмом. И они стали теми, кем стали, во многом благодаря возможностям, предоставленным государством. Большая доля российского капитализма такова, но можно иначе. Касперский представляет другую часть российского капитализма, пока меньшую.

Очень рано, еще даже не дотронувшись до бизнеса, ничего не заработав, Евгений Касперский осознал, что «деньги – это не цель, деньги может заработать каждый, деньги – это неинтересно, и ставить перед собой нужно иные задачи, а деньги придут, сами появятся, ориентиры должны быть другими».

Изначальным критерием стала именно полезность, доступность и действенность «Антивируса Касперского» для компьютерных пользователей. Неслучайно официальный лозунг «Лаборатории Касперского» – «Мы спасаем мир». Это больше чем слова, это жизненная философия. Назначение «Лаборатории Касперского» – предвидеть и распознавать тенденции развития киберугроз в Интернете, а главное, эффективно бороться с этими угрозами.

Конечно, Евгений Валентинович Касперский (а также ЕК, человек-бренд, Каспер, Женя) – не альтруист. По разным источникам оценка его доли в «Лаборатории Касперского» (ЛК, «Лаборатория», команда Касперского) – более полумиллиарда долларов. Он относится к богатейшим россиянам. Хотя своему образу жизни и, собственно, привычкам в одежде, еде, быту, поведении и общении не изменяет много лет. Недорогие джинсы и рубашки, нечесаные волосы, замызганный рюкзак, простецкие ботинки, простота и чувство равенства в общении с любым собеседником. Не прочь выпить и прихвастнуть. Обычный внешне человек. Разве что позволяет себе дорогие сигары, а в перелетах по миру заказывает чартер. Например, в Латинской Америке у него даже есть любимый летный экипаж.

Самый известный в мире гражданин IT-России, профессиональный криптограф и шифровальщик, выпускник элитной школы разведки, путешественник, либерал и умелый лидер, ведущий мировой эксперт в области информационной безопасности и просто удачливый человек Евгений Касперский всегда хотел быть лучшим в своем деле. Ему, команде и компании его имени это удалось.

Как? Об этом книга «Принцип Касперского. Телохранитель Интернета».

Огромное спасибо за долгие часы, проведенные в беседах со мной, маме нашего героя Светлане Ивановне Касперской, а также членам команды ЛК Ольге Кобзаревой, Ольге Сокольской, Вадиму Богданову, Евгению Буякину, Александру Гостеву, Николаю Гребенникову, Алексею Де-Мондерику, Андрею Духвалову, Гарри Кондакову, Алексею Маланову, Денису Масленникову, Андрею Никишину.

И, конечно, Евгению Касперскому за терпение, терпимость и открытость в общении.

Отдельная благодарность Andreas Lamm/Андреасу Ламу, Harry Cheung/Гарри Ченгу и другим сотрудникам компании.

И коллегам-журналистам, которые долгие годы наблюдали и трактовали феномен «Лаборатории Касперского», и несли людям правильные мысли о важности технологий интернет-безопасности.

Владислав Дорофеев

Пролог

В начале 2003 года в компании «Лаборатория Касперского» проходило плановое отчетное собрание по результатам года. Рассказывает Евгений Касперский: «Я выхожу и говорю: на самом деле Интернету технически может наступить полный конец, потому что может появиться такая «червячина», которая сделает то-то, то-то и то-то, и Сеть просто рухнет. Это было в пятницу, как сейчас помню.

Через неделю случилась эпидемия Slammer и падение Кореи (с 25 на 26 января 2003 года, когда Южная Корея была отключена от Интернета. – *Авт.*). Я говорил, что Сети грозит апокалипсис, – и вот, пожалуйста, оказался прав.

После этого я ходил по лесу и думал: пацан сказал – пацан сделал. Я будто чувствовал на себе ответственность за то, что произошло.

Конечно, весь Интернет тогда не рухнул, но у «червячины» не было задачи его обрушить. Если «червячину» написать чуть грамотнее, такое будет возможно. Главный принцип Интернета, которым все гордились, – делай, что хочешь, ходи, куда хочешь, – его же и губит».

Глава 1
Белые камушки цели

Евгений Валентинович Касперский родился в 1965 году в Новороссийске. Его отец, Валентин Евгеньевич, был профессиональным инженером, специалистом по конструированию и запуску цементных заводов. Он дал сыну имя в честь деда Евгения Александровича, бывшего до Октябрьского переворота 1917 года крепким российским землевладельцем в Тамбовской губернии (одном из центров крестьянского восстания против большевиков), оставшегося в живых после раскулачивания и репрессий и затем погибшего в боях под Ржевом в конце 1941 года. А отец выжил чудом. В дом попала бомба, и его вынесло взрывной волной через окно.

Мать, Светлана Ивановна, урожденная Бяхова, по образованию историк-архивист, дочь талантливого журналиста, выходца с русского Севера, объехавшего всю страну в поисках сюжетов и событий. Светлана Ивановна всю жизнь работала по специальности, классифицируя и описывая архивы, дослужилась до начальника отдела кадров архивного управления при Совете министров РСФСР.

Познакомились родители Евгения в Ашхабаде, куда молодой специалист Светлана Бяхова приехала по распределению. Там Валентин Касперский, будучи в служебной командировке, занимался наладкой очередного цементного предприятия. Они поженились, и супруг перевез жену в Новороссийск. Жить там некоторое время было весьма неплохо – Брежнев город любил и паек обеспечивал по высшей категории. А потом паек сняли. Стало плохо с едой, да что там, по-настоящему голодно. Чтобы добыть пропитание, приходилось выстаивать в огромных унизительных очередях. Вдобавок начались пылевые бури. Народ начал оттуда отъезжать. Не выдержали и Касперские, переехали в Подмосковье.

По рассказам матери, отец очень любил Евгения, но решения: что делать, как делать – чаще приходилось принимать ей. Светлана Ивановна: «Маленький был общительный, глазки были яркие, голубые, мальчик толстенький, кожа хорошая такая, розовенькая, еще на коляске, еще не ходил, а он со всеми пытался заговаривать, чтобы на него обратили внимание, на всех смотрел… А потом, уже когда стал немного старше, приходит ко мне подруга, с собакой, он к собаке подходит и говорит: “Я – Женя Касперский, а тебя как звать?” И ждет, когда она ему ответит. Каждая жизнь интересна ему была».

Говорит Евгений: «Однажды мне родители сдуру дали попробовать пива, мне было три-четыре года. Короче, я завелся на этот напиток со страшной силой. Я устраивал истерику, когда видел бочку с пивом: папа там, мама, – пива хочу, и все тут. Все вокруг веселились, а папе и маме становилось немножко стыдно за такое поведение маленького ребенка. Меня к врачу повели, врач сказал, что ребенку нужны дрожжи, ему почему-то хочется дрожжей. Замените квасом. Произошла подмена, которой я и не заметил. Это мне рассказывали, я, конечно, сам не помню. А вот как я просил у одной нашей знакомой пива, хотя это был квас, я уже помню.

Я пошел в школу с шести лет. Всегда был в среде людей старше на год, на полгода. Окружающие были сильнее, опытнее, мне приходилось за ними тянуться. Потом меня родители по ошибке запихнули в вечернюю математическую школу на год раньше, чем нужно. То есть мне постоянно приходилось делать усилия», – отвечает Евгений Касперский на вопрос: откуда в нем постоянное стремление развиваться.

В средней школе № 3 имени Гастелло в подмосковном поселке Хлебниково Евгений проучился до четвертого класса. Жила семья Касперских в бараке с провисшими потолками, построенном в тридцатые годы. В 1974 году барак сгорел.

Вот как о пожаре вспоминает Евгений: «Страшно не было. Это было больше удивление. Причем он горел, когда была температура за 40. Зима, февраль. Было здорово».

Касперским как погорельцам выдали квартиру в Долгопрудном. Окружение, в которое попала семья на новом месте, оказалось разнородным, поскольку поселились они не в академической части города (хотя там находится один из престижных институтов – МФТИ), а скорее в пролетарской.

Светлана Ивановна вспоминает, как после второго класса сын гостил у бабушки в Новороссийске. Бабушка уже не могла уделять много внимания внуку, так как часто болела. Так вот, в одно утро восьмилетний Женя просто встал пораньше, пошел и записался в городской пионерский лагерь: там их с утра чему-то учили, а после обеда отпускали по домам. Затем Евгений обедал и после обеда уходил в читальный зал.

Из новороссийских детских воспоминаний Евгения – «Пепси-кола»: именно в Новороссийске был построен первый в СССР завод по производству американского напитка. «У меня фотографии есть улицы, где я стою, улица Коммунистическая, дом 58. Перед уходом на пляж мне давали денежку, условный рубль, там чего-нибудь перекусить, и по дороге я выпивал из пивной поллитровой кружки пол-литра пепси-колы. Это был город пепси-колы. И поезд “Москва–Новороссийск”, вернее, “Новороссийск–Москва”, был одним из самых блатных, потому что проводницы в своем купе ящиками везли пепси-колу в Москву».

Мама Евгения утверждает, что в самом нежном возрасте ее сын был образцом идеального ребенка. Не было ни проблем занять его чем-то, ни особых капризов, только понимание и управляемость. Сложности, по ее словам, начались несколько позже.

Говорит Евгений: «В детстве очень хотелось денег, я почему-то их любил. Я был совсем маленьким пацаненком, нарыл какие-то белые камушки и думал: в школу пойду, буду камешки продавать. Потом мы играли на деньги во всякие трясучки-липучки – я выигрывал».

Светлана Ивановна вспоминает неудавшуюся порку сына: «Я была на работе, он ушел от бабушки, прихожу с работы, уже поздно, а он где-то гуляет. Является. Я его долго пытала и просила определить меру наказания. Ну, поставила вопрос: чего ты заслуживаешь за свое поведение? Он мне честно сказал: “Порки“. Я говорю: тогда ложись. Но не смогла, мне его жалко стало».

Однако словами, по выражению матери, «били сына нещадно»: «К какому-то съезду мы с ним написали соцобязательства: по поведению, по распорядку дня. Вот там какие-то были колебания, но неделю висело и выполнялось. Выполнял и отчитывался. Я в восемь утра уходила из дома, в восемь вечера приходила с работы, проверяла уроки и выслушивала отчет о прожитом дне».

По мнению Евгения, он был разболтанным мальчиком. Хотя и он вспоминает, что всегда был занят: то составлением кроссвордов, то «Монополией», вернее, аналогом этой игры, который он смастерил для себя по образцу оригинала. А увлекшись байдарками, самостоятельно делал их из брезента, шил рюкзаки и спальные мешки. Любил посещать и яхт-клуб, где их учили шлифовать, красить корпус, поднимать парус, давали даже поплавать под парусом.

Мама Евгения вспоминает: «Вообще-то в школьные годы я не помню его ничего не делающим. Он всегда был занят чем-то, не всегда полезным, но простого валяния на диване не было».

Уже в тот период оформилась склонность Евгения к лидерству: он всегда был инициатором походов и мероприятий, собирал вокруг себя сверстников. Светлана Ивановна вспоминает, как еще в период начальной школы сын принялся читать новую книжку пришедшим к нему в гости мальчишкам. Потом она на что-то отвлеклась, а когда вернулась в комнату, увидела Евгения на маленькой скамеечке продолжающим читать вслух мальчишкам, которые «залезли под стол и рубились в дурака».

По мнению матери, в таких ситуациях формировалось важнейшее свойство характера сына: «Он – вожак. Он прет и ведет. Он может чего-то не знать где-то… Но он все равно прет и ведет».

О том периоде у Касперского сохранилось другое важное воспоминание: «Я иногда просто чувствую, что мне что-то нужно, и когда меня в четвертом классе распределили в группу немецкого языка, я плакал и просился в английскую. Почему, не знаю. Но это факт. Я считал, что мне нужно изучать английский».

В какой-то момент Светлана Ивановна поняла, что сын растет другим человеком, чем она. В пятом классе, прочитав «Старосветских помещиков» Гоголя, Евгений вдруг заплакал от жалости к героям. «Поскольку мне лично в школе вдалбливали, что это мещанство, то я о тонких струнах человеческой души, читая Гоголя, даже и не думала. И вдруг я, взрослая, уже его глазами посмотрела на эти вещи», – рассказывала мама. Так она впервые увидела, что сын думает и чувствует иначе, что у него иное мировосприятие.

В шестом классе мать Евгения обратила внимание, что у него падают «производственные показатели». Разумеется, она занималась сыном по мере возможности, но нужно учесть, что одна только дорога на работу в Москву и обратно отнимала у нее четыре часа. Однако с определенного момента стала пристальней присматриваться к сыну.

По словам Евгения: «Мама увидела, что я начинаю плохо учиться, стала интересоваться, что мне интересно. И вдруг обнаружила, что математика и физика. Начала мне подсовывать литературу, задачки, занималась со мной и как-то развивала мой интерес. В чем преуспела».

В шестом-восьмом классах Женя был постоянным корреспондентом математического журнала для школьников «Квант». «Очень часто становился призером, его имя регулярно публиковалось как успешно решившего задания журнала», – вспоминает мама героя, по мнению которой, именно аналитические способности сына, его умение мыслить логически предопределили его судьбу.

Евгений тогда уже ходил в вечернюю физико-математическую школу при МФТИ: «Когда мои одноклассники фарцовали в районе Красной площади, выменивали жвачку на значки комсомольские и пионерские, я им решал домашние задания за ту же самую жвачку. Уже было понятно, что мне это нравится. И когда была математика, физика, я там был звездой. Был однажды изгнан с урока физики за то, что своему соседу по парте объяснял, как теорему Пифагора доказать двадцатью разными способами. Когда меня выгоняли из класса, я гордо заявил учительнице: то, что вы преподаете, я знаю лучше вас. Во-первых, я был достаточно подкованным ребенком, а во-вторых, очень наглым. И тогда у меня произошло следующее событие. Я занял второе место на математической олимпиаде в Долгопрудном, при этом мама меня вытолкала с температурой, за что маме большое спасибо».

Светлана Ивановна отчетливо помнит этот переломный момент. Ей было жалко больного сына, но, видимо, интуитивно почувствовав судьбоносность ситуации, она «подняла его с кровати, одела и сказала: вперед». Иначе, мол, подведет школу и товарищей.

До сих пор она переживает свое решение, внешне безжалостное и циничное по отношению к сыну, даже в лице меняется, вспоминая тот день: «Вот хирург, он добрый или он злой? Что такое добро? Когда ребенку ути-ути-ути, потакая всем его капризам и слабостям, или когда он знает от родителей и на примере родителей, куда идти, что делать, как преодолевать трудности?»

Скорее всего, это был поступок, определивший судьбу Евгения Касперского. Не случайно ведь и он помнит: «Я с температурой пошел на эту олимпиаду и занял там второе место. А потом мне пришло приглашение на собеседование в физмат-интернат. Вот оттуда все и началось. Там все и продолжилось. И вот тогда мне нужно было принять решение, потому что одновременно с увлечением математикой у меня было увлечение яхт-клубом, где я показывал неплохие результаты, и в десятку лучших в юношеских соревнованиях входил. И у меня был вопрос: либо я занимаюсь яхтами, либо я иду в физматшколу, потому что было очевидно, что эти два занятия никак не пересекаются. Либо одно, либо другое, совместить невозможно».

По словам Светланы Ивановны, одной из причин отправки сына в школу-интернат «была необходимость смены его информационно-интеллектуального окружения, создания соответствующей среды для обучения. Жалко, конечно, было и больно. Переживала, как же не переживала. Но, наверное, я прагматик. Я решила, что ему так лучше».

Этот выбор стал еще одной знаковой ступенью в жизни Евгения. И это был последний раз, когда мать кардинально повлияла на выбор сына. Школа-интернат им. А. Н. Колмогорова при МГУ им. М. В. Ломоносова, в которой наш герой учился в 1980–1982 годах, представляла собой заведение, где жили и учились точным наукам одаренные дети, собранные на конкурсной основе по всему СССР. Его создал в 1963 году крупнейший российский математик Андрей Николаевич Колмогоров, автор фундаментальных работ практически во всех областях математики и классической механики, прикладных работ по геологии, биологии, генетике, металлургии и теории стрельбы. Благодаря его вычислениям советские зенитчики смогли отстоять московское и ленинградское небо во время войны.

Главная особенность школы – развитие творческого начала и углубленное изучение математики и физики. Интернат Евгений вспоминает как место, где прошли его «счастливые студенческие годы». «Это был восьмидесятый год. Как раз после Олимпиады. Помню новую мебель из Олимпийской деревни. Тогда я принимал решение, куда мне идти. И я пошел учить математику. У нас было шесть дней занятий. Но по субботам была дискотека, поэтому я если приезжал домой, то на день, на воскресенье. То есть дома не ночевал. И можно сказать, что я ушел из дома, и все. Больше уже не возвратился. И с мамой своей общался потом лишь периодически. Физматинтернат – одно из самых интереснейших мест, в которых я побывал в своем детстве и юности и вообще в жизни. Это, наверное, было самое счастливое время. Там было очень здорово. Шесть дней в неделю занятия. Контроль за детьми не очень большой. Но при этом дети учились, потому что выгоняли оттуда нещадно – и со слезами на глазах, поэтому в общем-то учились. Причем учились так искренне. Я уже тогда понимал, что лучше не будет ни-ког-да. Там был очень высокий общий интеллектуальный уровень – мозги “зашкаливало”. В интернате царила полная демократия. Все на равных. Так что вундеркиндом я себя не ощущал – там все были вундеркинды. Для полноты счастья не хватало лишь общества девочек, гормоны-то уже начали играть».

В интернате формируется костяк основателей будущей команды «Лаборатории Касперского» (история свершается незаметно): с Алексеем Де-Мондериком (или Графом), например, Касперский пил пиво на берегах речки Сетуни во время учебы в этом самом интернате (к слову, за распитие спиртных напитков, даже вне территории интерната, отчисляли). Учились они в разных классах, но подружились в читальном зале, на почве любви к книгам. Впоследствии они вместе будут писать коды и разрабатывать движки к антивирусам, затем станут совладельцами крупнейшей в мире антивирусной компании.

По сложившейся традиции, в том же самом интернате люди в форме присматривали будущие кадры для «оборонки». Они говорили и с Евгением Касперским, и тот начал думать, в каком же направлении развиваться дальше, в какой институт поступать. Выбор был между МФТИ, МГУ и школой КГБ.

Евгений всегда был политически апатичен, но когда стало ясно, что без комсомольского билета он не поступит ни в один институт, заявление в комсомол он написал. Мать Евгения рассчитывала, что сын выберет физический факультет университета или МИФИ. Однако мысль о МИФИ Евгений Касперский отбросил после того, как побывал в тамошнем общежитии и увидел гору пустых бутылок на балконе. Аналогичную картину он наблюдал и в МФТИ, и в МГУ. **И хотя Евгений не ханжа и не прочь выпить с друзьями, но тогда ему хотелось жесткой дисциплины: чувствовал, что ему самому ее недостает.**

Вот как он сам объясняет решение, которое особенно не понравилось его родственникам со стороны отца, еще помнившим времена репрессий: «Когда я заканчивал, вернее, в послед-

ний год интерната, я был раздолбаем страшным, но все-таки был ответственным мальчиком. Я понимал, что мне в дальнейшем предстоит какая-то жизнь и надо что-то для этого делать. Был баланс раздолбайства и чувства ответственности. Я понимал, что надо готовиться к тому, чтобы поступать куда-то. Не в том дело, что я армии боялся, я про армию даже не думал тогда, такого варианта вообще не было. То, что я должен куда-то поступить, – это было просто как аксиома. И я стал искать учебное заведение, куда мне хочется пойти учиться. Имелись варианты, но не так много. Я съездил на физтех, съездил в университет и понял, что там сопьюсь. Физтех мне не очень понравился, я приехал туда, попил пива с ребятами, я приехал в универ, попил там пива с ребятами, посмотрел и остановил свой выбор на высшей школе, потому что оттуда приезжало два кадровика (а из университета и физтеха раз в полгода какие-то ребята появлялись и говорили: приходите к нам, приходите к нам). А эти, военные, приезжали раз в неделю, два подполковника, один математик – веселый такой, задорный. Хороший. А другой – серьезный, он собирал анкеты, все проверял, что-то делал. Я посмотрел-посмотрел и решил, что для меня эта форма окажется самым оптимальным вариантом, чтобы дурь выбить из башки».

В итоге выбор был сделан: Евгений принял приглашение вербовщиков, офицеров-математиков, поступать в «Высшую краснознаменную ордена Октябрьской революции школу КГБ СССР имени Феликса Эдмундовича Дзержинского» (сейчас Академия ФСБ России). Там, на «Четвертом факультете» (ныне – Институт криптографии, связи и информатики ФСБ РФ (ИКСИ)), его научили «вкалывать по полной программе».

Касперский: «Сначала – полуказарма, общага, но без свободного выхода. Но это было на первом курсе только, потом уже делай все, что хочешь, живи где хочешь».

Даже после сильной подготовки по математике высшая алгебра и криптография давались Евгению нелегко, он и сам признает, что поначалу «не потянул». Однако довольно скоро понял: «Самое сложное в криптографии – придумать алгоритм, а затем доказать, что он не поддается взлому. Людей, которые умеют это делать, не так много в мире.

Я знаю случаи, когда люди сходили с ума в попытках понять азы криптографии. Но чтобы получить нормального криптографа, нужно обучить сотню лоботрясов. Я оказался лоботрясом по большому счету. Потому что учился я хорошо, по некоторым предметам – очень хорошо, по программированию мне просто автоматом ставили. Любил я это дело. Я думаю, это одна из сильнейших математических школ России, а может быть, и мира. У нас там были преподаватели военные, самого высокого уровня, с публикациями и с международным признанием, и из универа, московского универа, с мехмата преподаватели. И дрючили нас как следует. Мотивация была очень простая – не сдал экзамен, тебя тут же: сапоги – и в армию. Автоматом. Было так: если ты там полгода отучился, то полтора года дослуживаешь. Год – год дослуживаешь, 4 года – полгода дослуживаешь. Нормально. Мозги прочистил, очень хорошо. В большом напряжении был, спать иногда приходилось мало. Отучился, домой вернулся – забылся. Очнулся – в метро, и в 8.40 нужно быть на построении на плацу. Тогда развилась способность работать много, тяжело. Именно добиваться результата, скорее всего, это все-таки ВШ (школа КГБ. – *Авт.*). Конечно, и мама, и интернат, но в основном ВШ: работать, работать и работать. А на старших курсах уже я влюбился в ЭВМ».

Там же и тогда же он выучил английский, который теперь стал его основным языком. И не только потому, что даже в центральной московской штаб-квартире «Лаборатории Касперского» английский является рабочим языком: основатель компании большую часть времени мотается по свету, где, соответственно, общается со своими подчиненными по-английски.

«Английский я учил по “Пинк Флойд” и битлам. Просто брал текст, брал уши, брал перевод, писал переводы и просто запоминал тексты и переводы. А “Стенку” “Пинк Флойд”, два диска, слушал в карауле, на боевом дежурстве».

Надо сказать, что занятия математикой и криптографией научили Евгения многому. И рациональному осмыслению страстей: любви и страха. Обязательное качество успешного бизнесмена – уметь справиться со страстями, если они мешают достижению результата.

Вот как Касперский вспоминает свою первую любовную историю: **«Даже первая любовь не была потрясением. Когда я понял, что она абсолютная дура, я заставил себя ее разлюбить»**.

А мама вспоминает: «Однажды Женька шел с сыном моей соседки и на них напали, и он сумел при помощи слов проблему решить, то есть у них не отняли сумки и не поколотили. Ему уже было лет 18–19. Он умел конфликтные ситуации гасить».

В 1987 году Евгений окончил школу КГБ где помимо математики и криптографии изучал компьютерные технологии, и получил специальность инженера-математика. Еще до окончания учебы умер его отец, который к тому моменту несколько лет жил отдельно.

На время окончания учебы приходится встреча Евгения с его первой женой Натальей Ивановной Штуцер. После получения в 1987 году лейтенантских погон Евгений Касперский женился. Дом, куда он пришел жить после свадьбы, собрал под своей крышей три поколения. Там жили и родители Натальи, и ее бабушка.

Глава 2
Заветная тетрадочка офицера

Классический сценарий советского времени: по распределению военный специалист Евгений Касперский попал в военный научно-исследовательский институт. Как он говорит, «это был один из исследовательских центров Министерства обороны, чем я там занимался, рассказывать не буду, это было совсекретно, поэтому я ничего не помню». Первой задачей, которую пришлось решать Евгению при помощи компьютера, было «рассчитать траекторию падения объекта с орбиты на Землю». Задачу ту он так и не решил, по тем временам программа была сложной, и у него не хватило опыта.

Именно тогда, в секретном НИИ, в октябре 1989 года Евгений впервые столкнулся с таким понятием, как компьютерный вирус. Выглядело это так: на его экране стали «осыпаться» буквы. Компьютер итальянской сборки Olivetti M24 (Super CGA, 20MB HDD) старшего лейтенанта ВС СССР Евгения Касперского был поражен вирусом «Каскад» (Cascade.1704, одна из первых в России эпидемий). Вирус был разобран, выпотрошен и вычищен из всех выполняемых файлов, в которые он умудрился пробраться. Тема компьютерных вирусов Евгения зацепила, тем более что первые зловреды уже стали появляться с завидной регулярностью.

Массовое распространение компьютеров, начавшееся еще в СССР, принесло новые проблемы: оказалось, что программы могут заражаться вирусами.

Вирус – это саморазмножающаяся программа, которая распространяется с файла на файл и с компьютера на компьютер, то есть, во-первых, мусорит, а во-вторых, уничтожает или повреждает данные.

Но тогда же появились и «лекарства», созданные новоявленными «докторами». Одним из таких стихийных целителей и стал Касперский, тогда еще совершенно самостоятельно, без всякой связи с другими. Хотя к тому времени первый советский антивирус Aidstest уже был создан: его автор – Дмитрий Лозинский, год – 1988.

Вирусы появлялись все чаще, по несколько штук в месяц, Евгений «их все активнее потрошил, описывал, классифицировал и заносил в программу-лечилку». Все поступления в вирусную коллекцию, по словам Евгения, записывались в заветную белую тетрадочку, которая, к сожалению, не сохранилась.

Как раз в то время (1989–1990 годы) начинали зарождаться рыночные процессы – гласность, демократизация, появлялись кооперативы и первые персональные компьютеры.

«Вначале я пробовал торговать компьютерами, но ни одной персоналки так и не смог продать. Я понял, что **на самом деле думать надо не о деньгах. Деньги придут сами. Нужно делать то, что принесет пользу огромному количеству людей.** Я начал делать антивирус, когда их было ну, с десяток. Я просто начал делать более качественно, – вспоминает Касперский. – По стечению обстоятельств, во главе одного из первых компьютерных кооперативов (импортировавших ПК-шки в основном из стран Варшавского договора) был офицер той же части, в которой проходил службу и я. Услышав в курилке мои рассказы про компьютерные вирусы, столкнувшись с аналогичными проблемами в своем кооперативе (с кавказским названием “Алибек”), он и пригласил меня лечить “кооперативные” компьютеры. Первый мой гонорар составлял аж целую коробку пятидюймовых дискет, поскольку деньги за “лечение” я тогда брать был еще не готов».

Во второй половине 1990 года случились и два первых «денежных» контракта. Первый – предустановка антивируса на компьютеры, которые поставлял в СССР из Болгарии один киевский кооператив: очень их достали вирусы, портящие информацию на дисках (вирусы тоже были болгарские).

Второй – лицензирование антивирусных технологий в некую новую систему уровня сложности современного MS Office, которую разрабатывала одна из компьютерных компаний тех лет. «Изначально было очевидно, что создать подобную сложнейшую систему под операционку того времени MS-DOS технически невозможно, но объяснять заблуждение “большим боссам” и отказываться от денег мы не стали. Разработка антивирусного “плагина” для этой системы велась вместе с Владимиром Гайковичем, ныне гендиректором компании “Информзащита” (проект назывался G&K)». Так Евгений получил первые «антивирусные» деньги.

«Заработанные рубли заметно превосходили зарплату офицера Вооруженных Сил, на какие мелочи они тогда были потрачены, я уже не помню – запомнились только две серьезные покупки. Во-первых, видеомагнитофон. Покупка абсолютно бесполезная, видеоманом ни я, ни остальные члены семьи не стали (кстати, хорошие магнитофоны тогда были по цене “Жигулей” средней подержанности). Вторая же покупка была гораздо более полезной – несколько тонн бумаги на издание моей первой книжки о компьютерных вирусах. Кстати, сразу после этого случилась одна из денежных реформ (1991 г. – *Авт.*) – и я очень удачно оказался при печатной бумаге и без наличных денежных знаков. Повезло. Кстати, в процессе подготовки книги самое активное участие приняла Наталья Касперская, которая тогда сидела дома с двумя маленькими детьми (Максимом и Иваном. – *Авт.*). Возможно, многократное вычитывание технических описаний вирусных технологий в дальнейшем подогрело ее интерес к антивирусному проекту».

Коллекционирование вирусов и противоядий к ним становилось для Евгения больше чем хобби. Касперский «почему-то понял, появилось чувство, что нужно заниматься этим». Причем «целью было не создание антивирусной программы: целью было максимально быстро и качественно вычистить заразу с компьютера».

Первоначальные заказчики Евгения – сослуживцы или друзья, которым он лечил зараженные вирусами компьютеры. Разумеется, бесплатно. В 1990 году антивирусная утилита Касперского обнаруживала уже 34(!) вируса. Вирусы в то время распространялись в основном на дискетах.

В том же году состоялись его первые публичные выступления – на киевских семинарах клуба «Софтпанорама», который рассылал бесплатный софт на дискетах по подписке. На тех дискетах и были ранние версии антивируса «–V (минус вирус. – *Авт.*) by ‘doctor’ E.Kasperski» или позднее «Kaspersky». «Антивирусные утилиты» того времени представляли собой либо «лечилки» из командной строки (типа «DOCTOR/cure C:»), либо «резидентные сторожа» – «праматери» современных HIPS и Behaviour Blocker.

Тогда же Касперский совершил, быть может, самый серьезный в своей жизни политический поступок. Он вышел из комсомола, хотя, по его словам, офицеру, сотруднику секретного оборонного института за это могло перепасть.

В это же время произошло эпохальное событие, вскорости кардинально изменившее и мир, и жизнь Евгения Касперского.

В 1990 году в США появился первый интернет-сервер и интернет-браузер, то есть родилась «документированная вселенная», не просто дополнившая, а сильно изменившая мир. Идея принадлежала Тиму Бернерсу-Ли, который, работая в восьмидесятых годах в Европейском центре ядерных исследований, придумал и внедрил метод, названный гипертекстом.

Этот метод и лег в основу принципов передачи информации по компьютерной сети. Весной 2004 года изобретателю Интернета Тиму Бернерсу-Ли будет присуждена первая в истории человечества премия «Технология тысячелетия».

По-хорошему, развернуться Касперскому препятствовала работа, ведь оборонка – это серьезно: «Я не должен был светиться, но тем не менее все равно светиться приходилось. Тогда софта было не так много, как сейчас, и то, что делал я, было заметно. А потом я взял и написал

статью и ее опубликовал, причем мне для этого пришлось кучу справок собирать о том, что статья не содержит секретности».

Надо было делать выбор, и пришлось проститься с погонами. «На рубеже 1990–1991 годов я оказался действующим старшим лейтенантом ВС СССР, одновременно занимавшимся публичной и коммерческой деятельностью в свободное от службы время. Надо было делать выбор – начальство обещало палки в колеса не ставить, но гарантировало протекцию моим “хобби” в случае решения остаться в армейских рядах. После примерно полугода раздумий я решил уйти на вольные хлеба. Это достаточно тяжело было. Отпускали по трем пунктам – либо комиссовали по состоянию здоровья, либо через трибунал, либо через аморалку. Самое сложное, но самое чистое было уйти по “несоответствию служебному положению”, – вспоминает Евгений. – Семья была в шоке (пардон, к революционным беспорядкам в стране дело шло), коллеги по службе смеялись (увольнение было по “несоответствию занимаемой должности” – “в какую сторону несоответствие?”, задавали вопросы они), одновременно шел массовый исход из комсомола и КПСС, а на кухнях обсуждался вопрос: куда же подевался сахар? Интереснейшее время! Около года я увольнялся».

Как оказалось впоследствии, наличие в короткой трудовой биографии факта разработки антивирусной программы (она к тому времени называлась «–V» и была «довольно убогой», по выражению Евгения) предопределило все его дальнейшее будущее.

Глава 3
Трое из детского сада

После увольнения из «ящика» (так тогда называли секретные военные предприятия, адресов у них не было – только идентификаторы: «почтовый ящик номер такой-то». – *Авт.*) и ухода из армии, затем «после двух или трех недель безделья (кстати, интересно, а на какие деньги мы тогда жили?..)» Касперский понял, что без работы больше не может, и устроил, как он сам выражается, «тендер» между тремя частными организациями, куда предлагали устроиться.

«Соревнование проходило между кооперативом “Алиса” (который тогда делал робкие попытки распространения софта), каким-то еще кооперативом и еще одним по сути кооперативом, но с громким названием “Научно-технический центр КАМИ».

НТЦ КАМИ, куда в 1991 году пришел работать Евгений Касперский, был первопроходцем в своем деле, еще в махровые девяностые сделавшим ставку на компьютеризацию страны.

«Руководил компьютерной частью КАМИ Алексей Борисович Ремизов, один из моих преподавателей по Высшей школе (КГБ. – *Авт.*), который поверил в меня и всячески помогал на протяжении многих лет. Так вот, если в двух кооперативах мне сказали: “Ну, заезжай через недельку, обсудим”, то Ремизов заявил: “Приезжай завтра”, а назавтра мне показали мой рабочий стол, компьютер, дали какую-то зарплату (помнится, сто долларов тогда считалось приличной зарплатой), назвали все это “Антивирусным отделом” (или типа того) и дали двух подчиненных. Первое рабочее задание было – уволить их обоих… Мда… Ну, что поделать, справился. Без истерик и конфликтов».

В компьютерном отделении КАМИ работала пара десятков человек, причем первоначальный капитал зарабатывался на поставках индийской обуви и шоколадного печенья, на производстве автосигнализаций и систем шифрования ТВ-сигнала (платное ТВ). Были и «экзотические» направления, среди них – антивирусное. Ремизов, приютивший Касперского, верил в него, хотя денег новый сотрудник со своей программой тогда не приносил никаких. Ему было поручено развивать антивирусный проект «Antiviral Toolkit Pro» (AVP).

К тому времени для распространения Aidstest Дмитрий Лозинский организовал фирму «Диалог-Наука», ставшую на долгое время монополистом на рынке антивирусной защиты. Затем появились вирусы-мутанты, которые, заражая компьютерные программы, меняли свой код. Это сделало невозможным их обнаружение стандартными средствами. Быстро сориентировавшись, «Диалог-Наука» приобрела права на распространение созданной петербургской «Антивирусной лабораторией Игоря Данилова» программы «Доктор Веб». Системный администратор «Смоленскэнерго» Олег Зайцев, будучи вынужденным постоянно «лечить» сотни компьютеров в своей организации, для собственных нужд разработал программу «Антивирус Зайцева» (AVZ). Программа распространялась бесплатно, получила немалую популярность.

В начале девяностых годов подобных антивирусных проектов было много. Существовали примитивные алгоритмы, все хранилось в самой программе, и не имелось никаких антивирусных баз или движков. В определенный момент стало понятно, что так работать дальше нельзя: должен быть отдельный антивирусный движок (мотор, центр, ядро антивирусной программы, по своей роли и значению сравнимое разве что с назначением электростанции для энергосистемы, которая бессмысленна без вырабатываемого станцией электричества) и отдельная база данных.

«Могу рассказать, как появился новый движок. Это 1991 год, когда я уже понял, что старые технологии работают плохо и нужно переходить от парового котла к бензиновому двигателю. Паровой котел заключался вот в чем: была антивирусная программа с движком, которая

внутри себя содержала еще сигнатуры и прикладывала сигнатуру к файлам. Этот программный блок, собственно антивирус, изготавливался раз в месяц, допустим, или раз в полгода. Что уже не соответствовало скорости появления новых вирусов.

Я понял, что нужно разделить: сигнатуры отдельно, а движок отдельно. Необходимо разработку софта, программы отделить от разработки антивирусного функционала, от базы сигнатур, то есть вирусов. Файл, программу, софт можно выпускать редко, но с очень высоким качеством. Базы – максимально быстро, потому что изменения в самом продукте происходят крайне редко, изменения в базах происходят с появлением каждого нового вируса. Нужно максимально быстро доставлять эти самые базы, сигнатуры на компьютеры. Для этого нужно софт отделить, базы отделить от софта.

Все, вот это уже переход к бензиновому двигателю. До сих пор все так и работают. Базы отдельно, софт отдельно. Уже целых двадцать лет почти», – Касперский сильно оживляется, когда вспоминает о том времени, а главное – об этой идее разделения. И повествует о ней увлекательно, живо, с интересом. Понятно отчего: ведь он тогда родился в новом качестве. До того жил себе никому не известный офицер Женя Касперский, а тут вдруг встал на путь перевоплощения в человека-бренд. Разница есть.

«Если ты хочешь, чтобы твоим продуктом пользовались, ты должен свою работу делать как можно лучше. Была цель – обеспечить максимальное качество защиты пользователя», – вот квинтэссенция первой прорывной задачи, поставленной и решенной Касперским.

Человек всегда помнит самые счастливые моменты своей жизни. Причем в подробностях. «Тогда же я слепил интерфейс. Почему-то мне показалось, что на самом деле продукт должен быть удобный. Они все были с командной строки, запускаешь, и побежали циферки. Я сделал интерфейс (в текстовом режиме MS-DOS. – *Авт.*), потому что считал, что мышкой удобнее будет. Хотя я мышей ненавижу. Но у антивируса должна быть морда, в которую мышкой можно тыкать. Надо мной смеялись», – продолжает нанизывать факты из прошлого Евгений.

А ведь это был первый интефейс в мире, сделанный для антивируса. Удивительно, но факт.

Касперский находил место инновациям: например, в его программах был реализован «резидентный сторож» и утилиты анализа системной памяти для выискивания новых неизвестных резидентных MS-DOS-вирусов.

В НТЦ КАМИ у Касперского появилась возможность общаться с другими специалистами, после чего он получил доступ к большому количеству компьютерных вирусов. Чтобы изучить их все, приходилось работать по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Сыновья Касперского звали его «папанаработе».

В таком жестком режиме, практически без отпусков, прошло несколько лет – с 1991 по 1995. Выходные также случались нечасто. Начало девяностых Касперский вспоминает как «период выползания из-под плинтуса». Коммерческого успеха еще долго не было. Зато появилось множество идей, возник огромный азарт и интерес к теме вирусов, наблюдалось даже некоторое признание среди узких профессионалов.

Но вот прибылей нет.

Несмотря на то что антивирусный проект в НТЦ был поначалу категорически убыточным и его даже порывались закрыть, антивирусными разработками гордились. Они были своего рода имиджевой составляющей компании. Перед партнерами хвастались, мол, «КАМИ» ведет активную научную деятельность, направленную на новые разработки в программном обеспечении.

«Помню спор Ремизова с его замом, который считал, что у меня ничего не получится и антивирусный проект надо закрывать. Спор был принципиальный – на один доллар США. Что-то мне подсказывает, что Ремизов оказался прав», – говорит Касперский.

За работой Касперский толком и не заметил, что страна разваливалась на куски. В памятный летний день 19 августа 1991 года, когда Михаила Горбачева отстранили от власти, он как раз выпустил очередную версию «–V». Процесса тестирования тогда как такового не проводилось: скомпилировал и выпустил.

Тогда же у Касперского появился и первый автомобиль – старый «Запорожец», доставшийся ему за символическую цену в пятьдесят рублей.

И первый единомышленник, интернатовский однокашник Алексей Де-Мондерик по прозвищу Граф. Разумеется, поначалу их сотрудничество строилось на внештатной основе. Спустя год Граф примкнул к антивирусному проекту уже официально, на бумаге: в ноябре 1991 года был принят в «КАМИ» на должность «специалиста по широкому кругу компьютерных вопросов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.